

Ольга Тиханова

ЖИЗНЬ ПО ЧУЖИМ ПРАВИЛАМ



Москва



Ольга Тиханова

ЖИЗНЬ ПО ЧУЖИМ ПРАВИЛАМ



Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т46

Редактор серии *А. Цыганкова*
Иллюстрация на обложке *Е. Тёриной*

Тиханова, Ольга.
Т46 Жизнь по чужим правилам : роман / Ольга Тиханова. — Москва : Эксмо, 2025. — 320 с.

ISBN 978-5-04-206755-6

А если ты — хорошая, просто не на том месте?

Ира всегда старалась делать всё правильно. Быть сдержанной. Работать на совесть. Не срывать — даже тогда, когда силы на исходе. Ведь нужно платить по счетам, растить дочку, держаться на плаву. Но однажды всё рушится за одно утро — и не потому что она что-то сделала не так. А потому, что кому-то показалось, что у него есть власть.

Теперь Ира — учитель в вынужденном отпуске и женщина в подвешенном состоянии. Вернуться на работу? Или попробовать жить по своим правилам? А есть ли у неё вообще выбор?..

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-206755-6

© Тиханова О., 2025
© Оформление. ООО
«Издательство «Эксмо», 2025

ЛЮБОЙ МОЖЕТ ДОЙТИ ДО РУЧКИ...

— Вы меня увольняете? — Ира решила прервать мучения завуча прямым вопросом и, кроме того, спасти глаза собеседницы от выпадения из орбит.

Вот уже минут пять Ольга Викторовна (та самая завуч) тарашила свои зеркала души и причитала, растягивая гласные в самых неожиданных частях слова. Она всегда так делала в моменты волнения. Находка для какого-нибудь специалиста по фонетике. И логике. Потому что в какой момент она потянет «и-и-и-и» или «о-о-о», никогда не угадаешь.

— И-и-и-и-ирочка! Ну как же так? Ты же профессиона-а-а-а-ал! Не понимаю. Ты же такая сдержанная всегда. И вдруг такое. Я от тебя никак не ожидала подо-о-о-обного! Ты меня огорошила. Поставила просто в какое-то кра-а-а-а-айне странное положение.

Короткая пауза после того самого прямого вопроса, и экзекуция продолжилась.

Ира сжала губы плотнее: неужели нельзя сразу сказать и не мучить? Можно. Но не в нашем случае. Ольга Викторовна — любитель долгих экспозиций

и обстоятельных вводных частей, ее не так просто выбить из выбранной колеи. Пока не закончит свои стенания, к конструктиву не перейдет.

— И-и-и-и-ирочка, но ты мне скажи. Как же та-а-а-ак? Надо было тебе связываться с этим обалдуем? На-а-а-а-адо? Не могла промолчать? Это же, в конце концов, ребенок. Какой-никакой. Подросток.

— Ольга Викторовна, вы уж простите, но у меня просто не осталось никаких сил. Он всех достал. Вы же знаете. Это не в первый раз. Через день на него ребята жалуются. А что он в столовой творит?

— Зна-а-а-аю, конечно.

Внутри снова закипело и забурило.

Завуч отвела глаза в сторону.

— Из-за него же другие голодными остаются! А с какой стати?! Учителя стонут. Уроки срывает. А диван в комнате отдыха?

— Да, да, но ведь его отец нам все возместил, — мялась завуч.

— Ну, Ольга Викторовна! — взмолилась Ира — Вы сами все прекрасно знаете. То, как ведет себя Смирнов, — недопустимо просто! А с этой олимпиадой. Мне за ребят стало обидно! Они старались. Ждали результаты, и тут этот... Он же хамил мне! Взрослому человеку!

— Понимаю. Но все же. — Взгляд начал описывать круги по стенам.

Кабинет завуча какой-то нарочито маленький. Стол вплотную к окну, кресло едва помещается между стеной и столешницей, шкаф подпирает сте-

ну. «Я люблю малогабаритные пространства», — говорит Ольга Викторовна.

Сверху донизу напичкан разными побрякушками, сувенирами или картинками. Глаз посетителя все время обо что-то да спотыкается: о какой-то подарок коллеги или благодарного родителя. Завуч ими очень дорожит. Как итог: в кабинете нет ни одного свободного клочка плоскости больше пятнадцати сантиметров.

Наверное, если бы можно было заполнить чем-то пол, его постигла бы та же участь, что и стены.

— Ладно. Ольга Викторовна, так чего его отец хотел? Уволить меня?

Завуч кивнула.

— Ясно.

Смирнов-старший — один из попечителей и спонсоров школы, чиновник, от его слова каждый второй кирпич зависит. Словоохотливый директор рядом с ним немеет, как пучеглазая рыба.

Все знают, что Смирнов всегда рубит с плеча. Так что Ира ждала, что ее вообще отправят под суд за издевательство над несовершеннолетним. Это было бы вполне в его духе. Отправил же он под суд учительницу химии два года назад. Егор был не готов (как всегда!) к практической работе, а когда до него дошла очередь проводить опыт, не очень убедительно симитировал головокружение якобы от токсинов. Разбираться никто даже не стал. На следующий день учительницу уволили, а через неделю — повестка в суд. Благо удалось

отделаться штрафом. Но нервов помотали на всю жизнь вперед.

А Ире, выходит, повезло. Есть шанс отделаться увольнением.

Смотря с какой стороны посмотреть, конечно.

Где теперь искать работу? В середине учебного года! На что выплачивать кредиты и заниматься дочкой? И ведь далеко не на каждую работу она может пойти. Да, она очень ограничена в выборе: нужно, чтобы совпало несколько важных условий. Нынешняя должность нашлась чудом, без преувеличений, второй раз так вряд ли повезет.

— Но я, конечно, с этим не согласна, — продолжила завуч.

Конечно, она была с этим не согласна. Ира и не сомневалась: просто Ольга Викторовна чувствовала себя ей обязанной.

Три года назад Ира помогла сыну завуча освоить английский язык, вполне сносно и в сжатые сроки. Можно сказать уверенно, что он сдал экзамен в вуз только благодаря своему репетитору.

Ольга Викторовна до истерики боялась, что сын никуда не поступит и попадет в армию. Вздрагивала и чернела лицом от одного только слова. На то были понятные причины.

Ее муж, с которым они прожили душа в душу двадцать лет, прошли огонь и воду и изнуряющее, затянувшееся на десять лет ожидание ребенка, был военным. Он погиб на учениях. Нелепая смерть, как насмешка: отрабатывали действия при

завале дороги, и его придавило деревом. Жена не сошла с ума только потому, что нужно было заботиться о маленьком сыне. Но с тех пор слово «армия» для Ольги Викторовны стало означать «смерть».

Когда сыну исполнилось пятнадцать, она привела его в военкомат, встать на учет. Парня встретили бравым возгласом: «Вот такие нам нужны!» Ольга Викторовна почувствовала, что теряет сознание, ее подхватил проходящий мимо мужичок: «Не переживайте так, мамаша. Мы из вашего сына мужика сделаем». А вот этого-то как раз ей меньше всего и хотелось! Мужика из него сделает жизнь без посторонней помощи! А от формы цвета хаки она ничего доброго не ждала давно.

С того самого дня всеми правдами и неправдами мама пыталась «отмазать» единственного сына. Ничего не получалось. Даже никакой диагноз не присвоили: парень обладал богатырским здоровьем! И, как на беду, таким же телосложением, которое так радовало военкомов.

В общем, оставалась одна надежда — поступить в вуз, выиграть время, а дальше будет видно.

Сын был парнем хорошим, но вот учеба ему давалась с трудом, звезд с неба, прямо скажем, не хватал, поэтому учебное заведение выбирали по нехитрому принципу «куда есть шанс поступить». Математику, физику и прочую информатику отмени сразу. Даже пытаться не стоит. Но оказалось, там, где не нужны точные науки, нужен англий-

ский. А у парня с шестого класса по этому предмету между тройкой и четверкой. Еле-еле.

Ольга Викторовна бросилась искать репетитора. И тут как раз рядом оказалась Ира. Брала недорого, работала добросовестно. Вытянула ученика даже почти без крови. Пришлось, конечно, парню попотеть и поворчать, последнее мама пресекала испепеляющим взглядом, а через год обучения он втянулся и заявил, что обнаружил в себе склонность к языкам. Жаль, столько времени потеряно!

С тех пор Ольга Викторовна считала Иру своей спасительницей и всячески опекала.

— Я знаю, как мы поступим, — продолжила она вкрадчиво. — Все продумано! До конца года осталось три месяца, совсем немного. Оформим тебе отпуск. По семейным обстоятельствам. А к осени все стихнет — и вернешься.

— Так Егор же меня осенью увидит, — пришел черед Ире округлить глаза. — И снова побежит к папе.

— А мы постараемся, чтоб не увидел. Ему всего год учиться осталось. Половину прогуляет, как обычно. Закончит, и забудем это все, как страшный сон. Немного потерпеть только. Ну?

То есть прятаться, как нашкодившей малолетке. Ходить и озираться, чтоб ее не заметил хам-подросток, потому что от него зависит ее работа. Ничего не скажешь: заманчиво.

— А папа не попросит отчет о моем увольнении?

— И-и-и-ирочка. Ну нет, ну что ты! У него своих дел по горло. Ты пойми, ему же просто надо сейчас

свою власть показать. Нам всем. Кулаком по столу стукнуть, чтоб мы ушки поджали: «Я вам — деньги, а вы делаете то, что говорю». И все. Это же понятно.

А что тут непонятного? Все понимают, послушно кивают и следуют указаниям того самого кулака на столе. Какое унижение!

— Ольга Викторовна, а как вы меня потом целый год прятать будете?

— Об этом пока не волнуйся. Придет время, что-нибудь придумаем. Пока надо весну пережить. В отпуск тебя отправить.

— А оплачиваться это... как будет? За свой счет? — промямлила Ира и в очередной раз возненавидела себя. Она никогда не умела нормально обсуждать зарплату с работодателем.

— Ну частично. Мы оплатим, как положено, два месяца. А остальное — да. Увы, но иначе никак не могу. Сама понимаешь. А возьми учеников пока! Я могу тебе человек трех привести. Про следующий год уже спрашивают, про ОГЭ и ЕГЭ. В старших классах можем предложить. Давай подумай. Хорошо? Только, И-и-и-ирочка. Затягивать не нужно. До завтра. Хорошо?

— Хорошо. Спасибо вам.

А что, собственно, произошло?

Незадолго до окончания второго урока Ира вышла из кабинета, чтоб еще раз проведать и полюбоваться на свое творение.

В следующий же миг от нахлынувшей вдруг злости все поплыло перед глазами.

Вот он на стене — новый стенд. Кипенно-белый, как ткань для парадной рубашки. С серебристой рамкой. Выбранный с максимальным пристрастием из десятка аналогичных, чтоб и размер, и материал, и цвет с дизайном подошли под интерьер школы. Буквально две недели назад заботливо прибитый завхозом. На рамке — ни пылинки, ни крапинки! Само поле покрыто прозрачным пластиком, на котором — обратите внимание! — ни пятнышка: ни от пальцев, ни от капель, ни от чего бы то ни было, как говорится, «муха поскользнется». Внутри вставлен белоснежный лист бумаги, поделенный ровными линиями на графы и столбцы. Бордовым маркером. А в столбиках — буква к букве! циферка к циферке! — записаны результаты команд итоговой школьной олимпиады.

Красавец, а не стенд! В Эрмитаже не стыдно выставить.

И ведь как школьники ждут эти результаты!

Сколько за этими цифрами труда и бессонных ночей старательных подростков.

Вот-вот дадут звонок на перемену, и здесь вмиг соберется толпа. Будут толкаться, подниматься на носочки, тянуть напряженные лица к этой самой стене, бегать по буквам беспокойными глазками, дрожать, повизгивать от радости. Потом шумно (очень! дети же!) обсуждать.

Или не будучи? Похоже на то. Потому что сейчас прямо в центре этого почти музейного экспоната

красуется рисунок среднего пальца и подобающая ему надпись.

А на диване рядом развалился автор художества собственной персоной — Егор Смирнов, десятиклассник, сын того самого спонсора школы. Редкий хам и потрясающий разгильдяй.

Вообще-то Ира всегда считала неэтичным оценивать детей, давать им характеристики, а уж тем более думать о них плохо, но этот парень не оставлял выбора. Природа обделила бедолагу сразу всем: и внешностью, и умом, и воспитанием (хотя последнее, наверное, все-таки заслуга родителей, природа здесь ни при чем).

Одноклассники Егора не любили. Открыто, как это умеют только дети. А он мечтал быть главным. Завоевать же лидерство никак не получалось. Мальчишки дружить не хотели, даже за халявные угощения или очки в онлайн-играх. Девчонки просто шарахались. Над его шутками не смеялись. Учителя вынужденно терпели, явно вытягивали оценки, но при этом почти никогда не спрашивали и не вызывали к доске.

Тогда он решил принять участие в ежегодной школьной олимпиаде, где ожидаемо слетел еще на отборочном туре. Над заданиями и отличники-то брови хмурили, а тут Егор! Но ему же не объяснить! Какой подросток оценивает себя адекватно? А уж про тех, что из породы Егора, и говорить нечего. Поэтому парень страшно разозлился из-за своего проигрыша на самом старте.

И вот теперь, накануне объявления результатов, решил высказать свое несогласие с ними. Акцию протеста устроил.

Ира смотрела на него — полулежит на диване, ноги широко расставлены, каменное лицо, взгляд в упор — и по телу бежала дрожь, как барабанная дробь!

— Это что такое?! — прохрипела она.

— Это — фак, — с вызовом заявил подросток.

— А ну. Быстро. Стирай.

— Ага! Конечно!

— Стирай, я сказала!

— А где «пожалуйста»?

— Зачем ты это сделал?! Своих же ребят подводишь... они так ждут! А ты... — взывала к совести Ира, прекрасно понимая, что зря.

— А может, это вообще не я. Чего вы на меня-то сразу?

— Не ври! Больше никому! Стирай!

— Ага! Не буду!

Невыносимое чувство бессилия перед демонстративным хамством.

— Я охрану позову.

— И чо? Зовите.

— Здесь камеры. Думаешь, не докажу, что это ты сделал?

— Ну и чо? Дальше-то чо? Вам надо — вы и стирайте. Я тут отдыхаю.

Он закинул голову назад на спинку дивана и сцепил ладони на затылке.